

Ф. П. ФИЛИН

О СВОЙСТВАХ И ГРАНИЦАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

О том, что собою представляет литературный язык, написано очень много. В советском языкознании этой проблеме посвящены работы И. К. Белодеда, Р. А. Будагова, В. В. Виноградова, М. М. Гухман, А. В. Десницкой, Ю. Д. Дешериева, В. М. Жирмунского, П. Г. Корляну, Б. А. Ларина, С. П. Обнорского, В. Н. Ярцевой и многих других авторов. Историческое понимание литературного языка, связанное с марксистско-ленинским учением о нации как категории, возникшей в эпоху капитализма, и о донациональных ступенях этнического развития наиболее полно разработано в советской лингвистике и является одним из ее существенных достижений.

Лучше всего исследованы свойства и функции литературного языка национальной эпохи. Правда, мнения ученых по некоторым существенным вопросам не совпадают. Одни лингвисты полагают, что литературный язык и национальный язык — это одно и то же, поскольку местные диалекты возникли задолго до образования нации и не являются продуктом ее развития (то же можно сказать о некоторых жаргонах и отчасти о просторечии), поскольку литературный язык — главное орудие общения нации. Национальный язык — не мешок, в который свалены все разновидности речи, существующие в эпоху нации. Другие лингвисты придерживаются иной точки зрения, считая, что национальный язык шире литературного языка. Конечно, верно, что диалекты — донациональные образования, что с ростом нации они постепенно исчезают, а в эпоху социализма с распространением всеобщего среднего образования их исчезновение происходит ускоренными темпами, в то время как литературный язык становится достоянием широких масс населения. Однако литературный язык хотя и занимает господствующее положение, но продолжает оставаться в тесных (отнюдь не механических) взаимосвязях со всеми другими разновидностями языка эпохи нации, видоизменяется под влиянием диалектов, полудиалектов, внелитературного просторечия и проч. и сам воздействует на них. Весь состав современного языка — не мешок с механически ссыпанными в него языковыми единицами, а сложная единая метасистема.

Для решения проблемы соотношения литературного и национального языка не безразлично и такое экстралингвистическое обстоятельство, как изменение состава носителей литературного языка. Во времена Пушкина подавляющее большинство русского населения не владело литературным языком, единственным средством общения для него были местные говоры. Кто же тогда составлял и представлял безусловно уже существовавшую русскую нацию? Можно ли представить себе нацию без народа? Да и в наше время в младописьменных нациях массы далеко не сразу и не одновременно овладевают вновь возникшими литературными языками. Ссылка на то, что диалекты — донациональное образование, вряд ли может считаться серьезной, так как и литературные языки во многих странах существовали до возникновения наций. Правы те, кто не отождествляет

связывает национальный язык с литературным языком. Национальный язык — метасистема всех языковых разновидностей эпохи нации, в которой ведущее место занимает литературный язык, причем в нем появляются новые качества, которых не было в донациональных литературных языках.

Когда определяются свойства национального литературного языка, обычно выдвигаются различные схемы, однако различия их имеют скорее формально-классификационный характер, а не расхождения мнений по существу вопроса. Чаще всего выделяются следующие особенности национального литературного языка: 1) обработанность, упорядоченность его средств. «Литературный язык — это обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закрепленными нормами»¹; 2) нормативность,² которая охватывает и все богатство вариантных форм (многообразные средства выражения «одного и того же» соотношены друг с другом, зависят друг от друга, будь они нейтральными или стилистически отмеченными); 3) стабильность, благодаря которой изменения, происходящие в литературном языке, не подрывают его основ в течение длительного времени (для каждого промежутка существования имеются идеальные нормы, на которые ориентируются владеющие литературным языком); 4) общеобязательность для всех членов языкового коллектива, при которой региональные отклонения считаются стоящими за пределами литературного языка (если, например, лица, проживающие в Средней Азии, всякую яму или канаву называют *арыком*, то такое значение слова *арык* является нелитературным, стоит за пределами литературной языковой системы); 5) стилистическая дифференциация, при которой одни стили дополняют друг друга, допускают в известной мере взаимопроникновение (умелое перенесение средств одного стиля в сферу другого создает богатые возможности изобразительной речи); 6) поливалентность, т. е. обслуживание всех сфер жизни (научной, производственной, общественно-политической, бытовой и т. п.).

К сказанному следует добавить наличие письменной и разговорной разновидностей литературного языка, составляющих единое целое. Попытки представить неподготовленную разговорную речь как особый язык со своей более или менее замкнутой системой, которые делают некоторые лингвисты, нельзя считать основательными. Базой любой разговорной речи лиц, говорящих на литературном языке, являются письменно закрепленные литературные нормы, отклонения от которых (эти отклонения, разумеется, существуют) представляют собою вторичные образования, вызванные условиями речевой ситуации. Русские эпохи нации имеют один, а не два литературных языка. Конечно, взаимосвязь между обеими разновидностями литературного языка является двусторонней: устная разновидность оказывает свое воздействие на обработанную письменную, вносит в нее изменения, однако в настоящее время ведущей, определяющей можно считать письменную разновидность, что особенно ярко выявляется в формах массовой устной коммуникации (радио, телевидение, кино, театр, доклады, лекции и всякого рода иные публичные выступления, удельный вес которых в общественной жизни непрерывно повышается). Разумеется, в литературном языке проявляется и внелитературное просторечие (которое следует отличать от просторечного стилистического пласта литературного языка), и диалектизмы, и жаргонизмы, но все эти внелитературные элементы получают конкретную стилистическую нагрузку (без чего они излишни и непозволительны), имеют временный ситуативный характер, а иногда приобретают права литературного

¹ Р. А. Б у д а г о в, Литературные языки и языковые стили, М., 1967, стр. 5.

гражданства, т. е. включаются в общеобязательные литературные нормы².

Нередко высказываемое мнение, что естественным состоянием языка, главным источником его изменения является устно-разговорная стихия, а письменно обработанный литературный язык представляет собой искусственное образование, совершенно неверно. Если согласиться с таким мнением, то и все достижения цивилизации нужно считать искусственными. Главные творческие ценности создаются, по крайней мере в эпоху нации, в письменном литературном языке, выражаются посредством него.

Определяя общие свойства и границы литературного языка эпохи нации, мы не должны забывать о том, что каждый язык неповторим. Своеобразие литературных языков может быть раскрыто лишь посредством их сравнительно-типологического изучения. Достаточно нескольких примеров, чтобы показать, что типология литературных языков и группировки языков по родству и структурно-типологическим признакам не совпадают между собой. Русский и белорусский языки, как известно, являются близкородственными по своему происхождению и структурным признакам (составу фонем, морфологическому строю, синтаксису и пр.). Однако литературные русский и белорусский языки имеют существенные отличия. Одним из таких отличий является отношение к церковнославянским книжным элементам. В русском литературном языке, сохранившем традиции письменных языков Московской и Киевской Руси, роль церковнославянских по происхождению и архаических древнерусских книжных элементов значительна. Белорусский литературный язык сложился как бы заново на основе народно-диалектной речи, поскольку старобелорусский письменный язык прекратил свое существование, вытесненный польским языком. Естественно, в белорусском литературном языке церковнославянских и книжно-архаических элементов заметно меньше, чем в русском, но зато в нем обширней пласт полонизмов, в общем, небольшой в русском языке. Роль локализмов при становлении норм белорусского литературного языка была гораздо выше, чем в русском.

Своеобразную типологию имеет чешский литературный язык. После поражения чехов на Белой горе в 1620 г. чешская литература беспощадно уничтожалась, чешский литературный язык вытеснялся немецким; немецкие захватчики стремились онемечить чешское население, стереть с лица земли его богатую этнокультурную самобытность. Перемены начались происходить с конца XVIII — начала XIX вв., в эпоху чешского национального возрождения. Чешский литературный язык оживает, однако, не на основе разрозненных тогда городских устно-разговорных койне и местных диалектов, а на базе языка Кралицкой библии и других письменных памятников XVI в. Знаменитый деятель чешского возрождения, патриарх славянской филологии И. Добровский и его сподвижники возрождают старочешский литературный язык, пытаются сохранить и обогатить его каноны. В XIX—XX вв. создается богатая чешская литература, старочешский язык под воздействием народной речи претерпевает серьезные изменения, однако исходный разрыв между письменным литературным языком и разговорным языком пока остается непреодоленным. Складывается сложная языковая ситуация, вызывающая дискуссии о статусе двух заметно отличающихся друг от друга форм устной речи: разговорной литературной (*hovorová čeština*) и так называемой обиходно-разговорной (*obecná čeština*). Обе разновидности устной речи имеют существенные отличия от традиционного письменного литературного

² Подробно мою точку зрения на этот вопрос см.: Ф. П. Филин, О структуре современного русского литературного языка, ВЯ, 1973, 2, а также в кн.: «Русский язык в современном мире», ч. II, гл. 1, М., 1974, стр. 107—122.

языки (чирковик *čestina*). Все же с уверенностью можно полагать, что происходит и будет происходить сближение письменного литературного языка с общими разновидностями устной речи, и в конечном результате достигли произойти синтез всех этих разновидностей, слияние их в единую нормированную систему с ее взаимосвязанными и разнообразными стилями.

Особое положение существует в Норвегии, где конкурируют между собой два официально признанных литературных языка: риксмол (или букмол), продолжающий традиции употреблявшегося ранее норвежцами датского языка, и новонорвежский (лансмол), созданный на базе норвежских сельских говоров и насаждаемый в школе. Наличие двух литературных близкородственных языков у одной и той же нации вызывает большие затруднения в выработке единых и общих норм. Возникают различные варианты в букмоле, нормы колеблются. Искусственное внедрение лансмолла, регламентация литературного языка вопреки сложившимся традициям, по мнению ряда специалистов по норвежскому языку, дала отрицательные результаты. Впрочем решение языковых проблем в Норвегии — это дело, разумеется, только самих норвежцев.

Примеров на разнообразие типов литературных языков эпохи нации можно было бы, вероятно, привести столько, сколько существует самих языков. Чтобы выявить особенности каждого языка, нужно провести огромную сравнительно-типологическую работу, которая практически почти вся впереди, так как обстоятельных исследований в этой области еще немного (в отличие от структурно-типологических и особенно сравнительно-исторических штудий). Однако своеобразие каждого литературного языка — это только одна сторона дела. Между всеми литературными языками существуют общие существенные черты, которые позволяют выделять литературный язык эпохи нации как определенную историческую категорию. Правда, литературный язык — настолько сложное явление, что для него невозможно подобрать краткое исчерпывающее определение, удовлетворительное для всех случаев. И все же несмотря на бесконечные споры о том, какое из определений является правильным, никто не сомневается в существовании современных литературных языков, как никто не сомневается в наличии в языке слова или предложения. Национальный литературный язык (или литературный язык нации) — факт бесспорный, независимая от нашего сознания объективная действительность.

А существовали ли литературные языки до эпохи нации? Для языковедов домарксистского языкознания такой вопрос по существу не стоял, так как племена, народности и нации четко не разграничивались и даже смешивались, поскольку в основе истории отсутствовало учение о поступательной смене одной общественной формации другой. Этот вопрос встал только в эпоху марксистского языкознания, но однозначного ответа на него пока нет. Некоторые филологи полагают, что до образования нации литературных языков не существовало, а были лишь письменные языки³. В этом утверждении есть только одно рациональное зерно: между литературными языками эпохи нации и донациональными литературными языками, несомненно, имеются качественные отличия в их структурах и функциях, литературный язык и письменность — явления не тождественные, однако в целом отрицание наличия донациональных литературных языков представляется совершенно неверным.

Посредством письменных знаков можно обозначать разные языковые состояния. Современные письма малограмотных людей (как и малограмот-

³ Кажется, одним из первых высказал эту мысль Б. В. Томашевский в статье «Язык и литература» в сб. «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1951, стр. 177—179.

ные объявления, вывески, рекламы и прочее, что, к сожалению, еще не изжито в нашем быту), нарушающие нормы литературного языка и правописания, конечно, нельзя отнести к категории литературных. Малограмотность существовала во все времена с тех пор, как возникло развитое письмо. Показательны в этом отношении знаменитые новгородские берестяные грамоты, которые получили противоречивую оценку со стороны лингвистов. А. И. Ефимов в свое время отнес их к эпистолярному стилю древнерусского литературного языка⁴. Н. А. Мещерский также увидел в них памятники литературного языка, поскольку в этих грамотах имеются некоторая обработанность словосочетаний, сложноподчиненные предложения, не свойственные разговорной речи, некоторая доля церковнославянизмов и т. п.⁵. Решительно возражал против литературности языка этих грамот В. В. Виноградов, называя мнения своих противников «исторической беллетристикой»⁶. В этих спорах отразилась не столько аргументированность противоположных концепций, сколько различие во взглядах на природу древнерусского литературного языка. На мой взгляд, новгородские грамоты на бересте стоят на границе между древнерусским литературным языком и малограмотными внелитературными документами. В них имеются и несомненно литературные штампы вроде *поклон от Есипа ко Петру, се аз раб божий вдал есмь*, *написах рукописание* и проч., и фиксация ненормированной бытовой речи при крайне неустойчивой орфографии, с резкими отступлениями от канонов древнерусской письменности (т. е. аналог современных писем малограмотных людей). В длительной истории письменности малограмотность, по-видимому, была неизбежна, поскольку грамотность в связи с социальным расстройством общества никогда не была всеобщей (всеобщей она становится только в эпоху развитого социалистического общества).

Вряд ли можно отнести также к документам литературного языка примитивные формы письма, имевшиеся у разных племен и народностей, поскольку за ними не стояло богатство высокоразвитой литературной речи и посредством их передавались только фрагменты речевого общения, вызванные отдельными практическими нуждами. Разумеется, нельзя также относить к литературному языку записи диалектной и иной необработанной речи, предназначенные для целей научного исследования, хотя они произведены посредством письменных знаков. Одним словом, письмо не является единственным признаком литературного языка (тем более, что в наше время существуют устные разновидности литературного языка).

Но следует ли из этого, что в донациональную эпоху литературных языков вообще не было, что существовали только письменные языки? Если бы мы согласились с этой точкой зрения, то должны были бы признать, что богатейшие литературы древних мировых цивилизаций, такие, например, как древнегреческая и латинская, не имели своих литературных языков, а являлись всего лишь письменностью, письменными языками. Однако хорошо известно, что древнегреческий и латинский языки были нормированными, не совпадали с диалектной речью греков и латинян, имели устойчивые традиции, продолжали и продолжают оставаться важнейшим источником научного терминотворчества в европейских и многих других языках нашего времени. То же самое можно сказать о ряде высококуль-

⁴ А. И. Ефимов, История русского литературного языка, М., 1954, стр. 93 и сл.

⁵ Н. А. Мещерский, Новгородские грамоты на бересте как памятник древнерусского литературного языка, «Вестник ЛГУ», 2. Серия истории, языка и литературы, 1958, 1.

⁶ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958, стр. 23.

турных языков средневековья: византийском (среднегреческом), латинском (имевшем широкое распространение в странах Западной и Центральной Европы), арабском, старославянском, грузинском, армянском и др. Признать «Слово о полку Игореве», «Витязь в барсовой шкуре» Руставели произведениями великой литературы и в то же время считать их язык внелитературным по меньшей мере странно. Спор тут отнюдь не терминологический (литературный язык можно называть «письменным», «Schriftsprache», «pisovná čeština» и т. п., как это принято у многих филологов не только по отношению к старым временам, но и к современности, к эпохе наций), а по существу дела.

Между национальными литературными языками и литературными языками донационального времени, кроме отличий, имеются и существенные черты общности: 1) известная обработанность, стремление к устойчивости, поддержанию традиций (что неизбежно приводило и приводит к обособлению от разговорной речи, в которой процессы диалектного дробления и всякого рода стихийные изменения проходят более интенсивно — это заложено в самой природе непреднамеренной устной речи), к наддиалектному состоянию; 2) функционирование в качестве средства цивилизации, обслуживания государственных и иных нужд общества. Конечно, указанная общность варьируется от языка к языку в зависимости от конкретно-исторических условий. Что касается отличий, то они, по-видимому, сводятся прежде всего к тому, что донациональные литературные языки были достоянием сравнительно узких слоев населения классово-расчлененного общества, они не составляли единой системы с устной речью, не обладали всеобъемлющей поливалентностью, более свободно допускали сосуществование на равных правах всякого рода регионализмов.

Освещение и решение всех этих сложных проблем — предмет исторического изучения каждого литературного языка. В русистике, например, давно идет спор об истоках русского литературного языка. На этот счет имеются различные точки зрения, которые можно свести к двум главным: 1) в Древней Руси существовал один литературный язык, в основе своей древнеболгарский (старославянский), впоследствии подвергшийся русификации и западноевропейским влияниям; 2) в Древней Руси был не один, а два литературных языка: древнеболгарский, под русским воздействием несколько видоизменившийся и ставший церковнославянским языком русской редакции, и собственно древнерусский литературный язык на народной основе, испытывавший различные влияния со стороны церковнославянского языка, а позже (особенно с XVIII в.) и со стороны западноевропейских языков. Представители первой концепции указывают на то, что подавляющее большинство дошедших до нас письменных памятников представляет собой богослужебную литературу, языковой основой которой был старославянский язык, близкий к древнерусскому языку и понятный для древнерусского населения (как и для других славян того времени). Древнерусские книжники учились по богослужебным книгам и подражали их языку в своих оригинальных произведениях; язык переводных и оригинальных древнерусских памятников был одним и тем же, в нем лишь, наподобие диалектов одного и того же языка, были колебания норм, нередко с уступками в пользу народно-разговорной восточнославянской речи. Для восточных славян это был «свой» литературный язык. При этом иногда ссылаются на то, что древнерусские книжники даже при переписывании евангелий делали замены одних слов, форм или выражений другими⁷. Однако при этом упускается одно чрезвычайно важное обстоятельство: в XI—XIV вв. славянские языки, сохраняя родствен-

⁷ Л. П. Жукowska, О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода, ВЯ, 1972, 5, стр. 68 и сл.

ную близость, уже заметно отличались друг от друга, были самостоятельными языками, а не диалектами одного славянского языка (эпоха праславянского единства давно уже отошла в прошлое). Старославянский (церковнославянский) язык разных редакций славян выполнял ту же функцию, что и латинский язык в средневековой Европе (с той, конечно, существенной разницей, что он был значительно ближе к народным славянским языкам, чем латинский в германоязычных и некоторых других областях). Что касается вариативности в языке евангелий и других богослужебных книг, то она свидетельствует лишь о том, что древнерусские (и иные славянские) книжники действительно свободно владели церковнославянским языком, как свободно владеют неродным языком билингвы и полиглоты (Пушкин, Толстой и др. также умели свободно варьировать свою французскую речь).

Наиболее видными представителями первой гипотезы были А. А. Шахматов и Б. О. Уйбегаун. В. В. Виноградов, развивая концепцию А. А. Шахматова, выдвинул теорию двух типов древнерусского литературного языка: книжно-славянского и народно-литературного, которые сосуществовали и взаимодействовали, но не были стилями единого литературного языка (типы превращаются в стили не раньше XVI—XVII вв.). Эти типы составляли один литературный язык, в котором ведущая роль отводилась книжно-славянскому (церковнославянскому в своей основе) типу. В этой теории остается неясным статус народно-литературного типа: если в его основе лежит древнерусский народный язык, то как же с этим можно увязать наличие в Древней Руси одного (пусть не единого) литературного языка, в основе которого лежал хотя и близкородственный, но иной древнеболгарский язык?

Сторонники второй концепции (С. П. Обнорский, Л. П. Якубинский и др.) указывают на никем не оспариваемое теперь отличие между языком богослужебной литературы и языком так называемой деловой письменности; в основе последнего лежит речь восточнославянского населения. Памятники деловой письменности представлены как самостоятельные документы и как многочисленные вкрапления в тексты «неделовых» произведений. К ним относятся знаменитая «Русская Правда», всевозможные договоры, грамоты, записи и пр. Близки к деловым документам многие погодные записи в летописях, особенно новгородских, зафиксированные на письме речи послов, княжеские и иные соглашения и некоторые другие письменные тексты. Налицо явное противопоставление двух близкородственных языков: церковнославянского русской редакции, перенесенного в Древнюю Русь из Болгарии, и собственно русского по своей основе литературного языка. Противники теории литературного двуязычия, чтобы устранить противоречие в своей концепции, поступают просто: они не считают язык деловой письменности литературным, определяя его как письменную фиксацию определенных видов разговорной речи, предназначенную для чисто практических нужд. С их точки зрения деловая литература включается в состав литературного языка только с XVI—XVII вв., когда формы делового письма используются не для практических целей, а как один из литературных приемов.

Спор о началах древнерусского литературного языка перерастает в теоретическую дискуссию о литературном языке донациональной эпохи. Если отнести к последнему только произведения художественно-образительного назначения, то от донациональных литератур мало что останется, так как художественно-образительные элементы в них теснейшим образом переплетены с чисто практическими, «деловыми» целями. Вся богослужебная письменность, переводные и оригинальные жития, поучения и т. п. были не просто книгами для чтения любознательных

людей, но имели сугубо практическое назначение и в этом смысле ничем не отличались от грамот и договоров. Летописи и иные произведения читались не как современные исторические романы, а были важными документами, удостоверявшими генеалогию лиц, принадлежавших к высшим слоям общества, права наследственности, являлись справочным материалом для многих практических нужд. Удовлетворявшие эстетической потребности всех слоев общества фольклорные произведения были не развлечением, а все имели обрядовый (т. е. «деловой») характер. Можно с уверенностью сказать, что принцип определения языковой литературности по признаку «то, что предназначено для чтения, что включает в себе приемы художественного изображения, вымысла» не подходит для характеристики литературного языка как донациональной поры, так и нашего времени.

Нельзя считать также основательными утверждения, будто бы деловой язык мало обработан и не имеет традиций. Хотя в основе его лежала разговорная речь, он отнюдь не был ее адекватным отражением. Строгая организация синтаксиса (в том числе наличие необычных для разговорно-бытовой речи сложноподчиненных конструкций), из века в век повторяющиеся устойчивые штампы, определенный отбор лексики, наличие известной доли церковнославянизмов, определенная условность орфографии и многое другое свидетельствуют об обработанности языка деловой письменности, о наличии в нем свойств, отсутствовавших в неподготовленной разговорной речи. Прав Б. А. Ларин и другие лингвисты, которые указывают, что живую разговорную речь населения Древней Руси можно, анализируя язык древних памятников, реконструировать только по крупицам.

Язык деловой письменности имел и свои давние традиции. «Русская Правда» уходит своими корнями в обычное восточнославянское право, существовавшее еще в дописьменный период. Договоры русских с греками (часть из них сохранилась в нашей древнейшей летописи) заключались уже в X в. до массового распространения христианства на Руси. Язык деловой письменности обслуживал интересы не только частных лиц, он являлся государственным языком. Позже он становится официальным языком государственных канцелярий Великого княжества Литовского и Молдавии, т. е. функционирует не только в восточнославянской, но и в иноязычной сфере. Такое не могло бы случиться с необработанным, некультивированным языком. Язык древнерусской деловой письменности, несомненно, был литературным (так же, как и язык средневековой деловой немецкой письменности, сыгравший большую роль в становлении немецкого национального литературного языка). Отказывать ему в этом можно лишь в угоду схеме существования в Древней Руси одного литературного языка. Это почти то же самое, что выводить за пределы литературных норм язык современных деловых документов (тоже предназначенных для чисто практических целей).

Мы приходим к выводу, что в Древней Руси сосуществовали и взаимодействовали два близкородственных литературных языка: перенесенный извне церковнославянский литературный язык и собственно древнерусский литературный язык. Последний по своему составу был пестроден: в нем, в зависимости от содержания и назначения письменных памятников, по-разному сочетались восточнославянизмы и церковнославянизмы, общерусские и локальные элементы, художественно-фольклорный, деловой, бытовой и иные жанры. Идею В. В. Виноградова о типах древнерусского литературного языка (при условии признания литературного билингвизма) можно принять, поскольку еще не существовало стройной системы стилистической дифференциации. Количество таких типов —

два или больше — дело в значительной мере условное. Некоторые исследователи (Д. С. Лихачев) склонны признать множественность типов, а я предпочитаю говорить о трех: книжно-славянском (с преобладанием церковнославянизмов), «повествовательном» или среднем (ср. язык «Слова о полку Игореве», большую часть сочинений Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника», большинство оригинальных летописных записей и др.) и деловом⁸.

Из сказанного следует, что существование литературного языка нельзя ограничивать эпохой нации. Но с какого времени нужно начинать его историю? Высказываются мнения (М. М. Гухман, А. В. Десницкая и др.), что литературный язык не обязательно связан с письменностью, что он мог существовать и в дописьменную эпоху. Письменное оформление — преходящий, не постоянный признак литературного языка, главное в нем — обработанность, намеренная подготовленность, устойчивость традиций и вытекающая из этого известная наддиалектность. Под литературным языком надо понимать обработанную форму «любого языка независимо от того, получает ли она реализацию в устной или письменной разновидности»⁹. При такой постановке вопроса остается неясным, когда же возникает литературный язык как историческая категория. Обработанность, устойчивость, традиционность свойственны языку устной народной поэзии, особенно эпическому, формулам заклипания, мольбам древних охотников и разным формам традиционно-культовой речи. Все названные виды языка своими корнями уходят в глубокую древность, к истокам первобытной речи. Значит, литературный язык существовал всегда и, следовательно, является категорией внеисторической? Вряд ли с этим можно согласиться.

Мы не знаем древнего дописьменного эпоса многих народов Запада и Востока, хотя можем предполагать, что таковой существовал. Весьма вероятно, что в основе летописных древнерусских сказаний о местах Ольги древлянам, о белгородском киселе, о победе юноши-кожмяки над печенежским богатырем, о Рогнеде-Гориславе и др. лежат народные эпические произведения. Была своя поэзия у древнерусских племен дописьменной эпохи, у праславян, у праиндоевропейцев, наконец, у всех так называемых первобытных бесписьменных племен, которые были открыты на разных континентах земли, а иногда открываются и в наше время. Можно ли язык фольклора с его обработанностью и прочими качествами отождествлять с литературным языком? Можно ли русские былины владимирского и иного циклов, сказки, плачи, заклипания, народные песни и проч., дошедшие до наших дней, записанные фольклористами, лингвистами, любителями (или еще не записанные), но не обработанные писателями, ставить в один ряд с произведениями Пушкина, Толстого и Горького? Если бы это можно было сделать, тогда не было бы ни фольклора, ни фольклористики, а была бы единая литература и единое литературоведение, чего нет на самом деле. Фольклор и художественную литературу объединяет одно — образность изображения, а разъединяет многое, в частности особенный язык. Как показала в своих исследованиях А. П. Евгеньева, в языке русского фольклора имеются традиционные, наддиалектные элементы, но основа его тесно связана с диалектами, имеет ярко выраженный диалектный характер, что литературному языку противопоказано.

Благодаря подвигу Лэнгтона мир узнал о великом художественном

⁸ Более подробно моя точка зрения изложена в статье: Ф. П. Филин, Об истоках русского литературного языка, ВЯ, 1974, 3.

⁹ «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка», М., 1970, стр. 502, 515.

произведении «Калевала», руны которого сохранились среди бесписьменного карельского населения. «Калевала» оказала мощное воздействие на творчество финских писателей. «Песнь о Гайавате» Лонгфелло создана также не без влияния великого эпоса карелов. Истоки «Калевалы», по-видимому, восходят к первым векам нашей эры. Однако нет никаких оснований говорить о карельском литературном языке ни этого, ни последующего времени. Попытки создать его в предвоенные годы не были успешными: после краткого периода своего существования он вышел из употребления (его заменили русский и финский литературные языки).

Безусловно, такие крупнейшие устные эпические произведения, как киргизский «Манас», туркменский «Гор-оглы», казахские «Кобланды-батыр», «Ер-Таргын», «Камбар», «Утеген», «Козы-Корпеш», «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан», азербайджанский «Кёр-оглы», украинские думы, нартский эпос и другие аналогичные художественные сказания играли огромную роль в духовной жизни народов, были их летописью и выражением их чаяний, имели и имеют непреходящую ценность для культуры человечества. Однако их язык, обработанный и сохранивший определенные традиции, в своем функционировании не выходил за рамки эпоса и в то же время был на уровне диалектов (близких или значительно расходящихся).

Устное словесное искусство и литературный язык — категории не тождественные. Неравенство их несравненно больше, чем различие между литературным языком и языком художественной литературы наших дней. Устное словесное искусство — преддверие литературного языка, один из его важнейших источников. Нельзя также говорить о литературности разного рода устных койне с их ярко выраженными в общей структуре языка локализмами, тем более древних охотничьих, религиозно-магических и иных, нередко очень устойчивых, вплоть до окаменелости, разновидностях речи.

Литературный язык — категория историческая. Непременным условием его возникновения является письменность — одно из важнейших достижений цивилизации, продукт государственности. Письмо значительно расширяет возможности общения и накопления знаний, закрепления языковых норм, передачи информации от одного поколения к другому, усовершенствования структуры языка. Существование громадной и разнообразной по содержанию и целям литературы (в классической древности и средние века не только богослужебной, но и научной, деловой, публицистической и проч.) без письменности немыслимо. Письмо во все времена его существования аккумулирует такое количество знаний и сведений, которое не может удержать в своей памяти не только один человек, но и коллективы людей. Не случайно ликвидация неграмотности является острой потребностью прогрессирующего общества, не случайно в классовом обществе (особенно в докапиталистических формациях) грамотность — привилегия господствующих классов, орудие борьбы против народных масс. Многие новые литературные языки в нашей стране возникли только благодаря созданию и распространению письменности после Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако не всякая письменная фиксация речи может быть названа литературной. Письменность — важнейший и обязательный, но не единственный признак литературного языка. К свойствам литературного языка относятся также его относительная обработанность, определенная устойчивость норм, наддиалектность (не исключается, конечно, проникновение в его состав известной доли диалектизмов). Литературный язык — явление очень сложное. Дискуссия по этому вопросу несомненно будет продолжаться.